

ЮРИЙ САВЕЛЬЕВ,

кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры социальных структур и социальных отношений факультета социологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Социология в поисках сущности современности: систематизация теорий общества модерна и модернизации¹

Аннотация

В статье выделяются и анализируются направления социологического дискурса модерна и модернизации, а также предлагается комплексное видение существующих теорий модерна. Новизна предлагаемого способа анализа, основы которого были заложены Дж.Александром и В.Цапфом, состоит в том, что в отличие от традиционного представления социологического дискурса модерна и модернизации как последовательной смены теоретических подходов или бескомпромиссной конкуренции различных исследовательских программ, в статье делается акцент на глубинной общности различных теорий модерна и возможности комплексного применения ряда разных объяснительных платформ. Та-

¹ Автор выражает искреннюю признательность своему научному консультанту профессору О.Куценко, Программе поддержки высшего образования / Региональному семинару совершенствования преподавания (HESP/ReSET) Института Открытого Общества (OSI, Budapest), факультету социологии Санкт-Петербургского государственного университета и Международному центру сравнительных и институциональных исследований, а также лично декану факультета социологии, проректору Санкт-Петербургского государственного университета профессору Н.Скворцову, профессорам А.Резаеву и Ю.Веселову за возможность участия в проекте “Модерн и будущее капитализма в Евразии”. Особая благодарность профессорам Дж.Александеру, М.Буравому, А.Мартинелли, П.Ле Гале, Г.Терборну и П.Штомпке за их консультации. Интерпретации и выводы, изложенные в статье, являются авторскими и могут не совпадать с мнением Программы поддержки высшего образования / Регионального семинара совершенствования преподавания (HESP/ReSET) Института Открытого Общества (OSI, Budapest), факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Международного центра сравнительных и институциональных исследований, а также других организаторов и участников проекта.

кой подход позволяет установить разнообразные измерения модерна, которые в совокупности формируют его целостную картину. Выделяются следующие направления социологического дискурса модерна и модернизации: 1) модерн как универсальная стадия эволюции, 2) концепция локальных цивилизаций (в двух вариантах: европоцентризма и теорий “множественных модернов”), 3) “проект модерна”, 4) темпоральная ориентация на изменения и инновации, 5) теория эффективности и конкурентоспособности. Сформулирован вывод о многомерной сущности современного общества, что требует систематического применения комплекса теорий модерна и модернизации; предложена классификация его измерений.

Ключевые слова: модерн, модернизация, теории современного общества

Несмотря на то, что модерн является “центральной проблемой современной социологической теории”, социологический дискурс общества модерна и модернизации чрезвычайно противоречив [Кутуев, 2009: с. 145, 149]. Понятия, которые используются в качестве ключевых, неоднозначны, и, по словам В.Кнобля, фактически “модернизация означает совершенно разные вещи для разных обществ” и вообще не существует “эмпирически обоснованной теории... это своего рода дискурс модернизации, расплывчатые идеи относительно возможных путей развития современных обществ” [Кнобл, 2003: р. 104, 105].

С другой стороны, эти идеи активно используются в различных исследованиях в 2000-х годах, и присутствие идеологической окраски, придающей определенную нормативность пониманию общественного развития, продолжает привлекать многих ученых из разных областей социальных наук, в первую очередь из развивающихся стран (см., напр.: [Blokker, 2005; Жуков, 2005; Зевин, 2008; Тихонова, 2011; Трубицин, 2010; Ясин, 2007]). Риторика модернизации стала также общепринятой в заявлениях руководителей Российской Федерации и Украины, будучи важной составляющей декларируемой правительственной стратегии развития этих стран¹.

В противовес этой риторике в современной социологии доминирует осторожное отношение к концепту модернизации и эвристическим возмож-

¹ Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации [Электронный ресурс]. — 12 ноября 2009 года, Москва, Большой Кремлёвский дворец. — Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/5979>; Послание Президенту Федеральному Собранию Российской Федерации [Электронный ресурс]. — 22 декабря 2011 года, Москва, Кремль. — Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/news/14088>; Модернізація України — наш стратегічний вибір : Щорічне Послання Президента України до Верховної Ради України [Электронный ресурс]. — К., 2011. — 416 с.— Режим доступа: http://www.president.gov.ua/docs/Poslannya_sborka.pdf; Тільки глибока модернізація України сприятиме її швидкому розвитку : Виступ Президента України на урочистостях з нагоди відзначення 80-річчя утворення Дніпропетровської області [Электронный ресурс]. — 24.02.2012. — Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/news/23092.html>

Уместно напомнить, что П.Кутуев сформулировал тезис касательно существования в социальных науках в Украине “сообщества ритуала модернизации” [Кутуев, 2007]. Можно предположить, что подобная ритуальная риторика имеется не только в научном, но и в политическом дискурсе отдельных стран.

ностям указанной теории (см., напр.: [Аллард, 2002; Келлер, 2002]). Правда, часто (как, например, в характерных работах российских исследователей В.Рукавишникова и Н.Коровицыной) модернизацию понимают в упрощенной форме, когда она фактически сводится к вестернизации, разрушающей культурный и ценностный фундамент соответствующего общества [Рукавишников, 1995; Коровицына, 2009]. Это уже вторая волна критического отношения (первая пришлась на конец 1960-х — 1970-е годы [Штомпка, 1996]) после непродолжительного, со второй половины 1980-х годов, периода “возрождения теории модернизации” как парадигмы “неомодернизационного анализа”, которое, в частности, было связано с революционными преобразованиями в социалистических странах и упованиями на возвращение восточноевропейских обществ в “западный мир” [Tiryakian, 1991: p. 171–172; Штомпка, 1996: с. 179]. Один из наиболее последовательных критиков теории модернизации И.Валлерстайн, как и другие представители мир-системного анализа вообще, подчеркивает, что эта теория дает идеологически извращенное представление о социальной реальности. Согласно его известному выражению, “мы живем не в модернизирующемся мире, а в капиталистическом мире”, который разделен на ядро, полупериферию и периферию и в котором происходит несправедливое перераспределение ресурсов и асимметричная конкуренция [Валлерстайн, 2008; Wallerstein, 2000].

В то же время следует отметить, что для развивающихся обществ, или, используя соответствующий термин модернизационной парадигмы, находящихся в процессе догоняющего развития (‘catching-up development’), объяснение особенностей этого развития крайне актуально, и применение разнообразных вариантов теории модернизации в сочетании с теорией “государства, ориентированного на цели развития”, часто оказывается адекватным познавательным инструментом. По замечанию В.Иноземцева, опыт экономического развития 1970–1990-х годов продемонстрировал, что сторонники вестернизаторского крыла теорий модернизации оказались на удивление более точными в своих прогнозах, нежели их оппоненты, которые предложили альтернативную “теорию зависимости” (dependency) и “недоразвития” (underdevelopment) [Иноземцев, 2000: с. 35].

Обоснованный анализ теорий модерна и модернизации, этапов их развития, преимуществ и недостатков, систематизация и детальная критика отдельных подходов содержатся в работах известных ученых Дж.Александера, Г.Хаферкампа, Н.Смелзера, А.Мартинелли, Э.Тириакияна, П.Штомпки, В.Цаффа, К.Кумара, В.Иноземцева, П.Кутуева, Н.Тихоновой, В.Федотовой и многих других [Alexander, 1994 ; Haferkamp, 1992; Мартинелли, 2005; Kumar, 1995; Tiryakian, 1991; Цафф, 1998; Штомпка, 1996; Иноземцев, 2000; Кутуев, 2005; Федотова, 1997; Концепция модернизации, 2007; Эволюция концепции модернизации, 2007]¹. Однако и там материал преимущественно подается традиционно в хронологической последовательности, отражающей зарождение и развитие представлений об обществе модерна и модернизации, и предлагается соответствующая периодизация этого интеллектуального процесса как постепенного наследования одних

¹ В частности, в работе П.Кутуева содержится оценка историографии проблем развития и модернизации в социологической литературе до начала 2000-х годов, приведен обширный список литературы [Кутуев, 2005: с. 32–38].

теоретических подходов другими [Мартинелли, 2005; Tiryakian, 1991; Штомпка, 1996; Иноземцев, 2000; Концепция модернизации, 2007; Эволюция концепции модернизации, 2007]. Даже если используется альтернативный аналитический подход, то структура социологического дискурса модерна все равно обуславливается только логикой самой социологической теории [Кутуев, 2009: с. 152–153]. В отличие от этого Дж.Александр [Alexander, 1994] и В.Цапф [Цапф, 1998] применили, хоть и по-разному, такой способ анализа и систематизации теорий модерна и модернизации, в котором логика развертывания научного дискурса связывается с тенденциями развития и вызовами самого современного общества, определенным образом обуславливающими функции этих теорий по продуцированию смыслов.

В этой статье я развиваю такой подход и намереваюсь создать систематизированную картину современных теорий общества модерна и модернизации, выявляя общее и различия в их интерпретациях сути модерна. Новизна предлагаемого способа анализа заключается в том, что в отличие от традиционного представления социологического дискурса модерна и модернизации как последовательного стадийного изменения разных парадигм или бескомпромиссной конкуренции исследовательских программ, я фокусируюсь на их родстве и возможности одновременного применения разных объяснительных платформ. Это позволяет выделить разнообразные измерения *современного общества*. В отличие от Дж.Александра, который полагал, что социологи-теоретики являются интеллектуалами, пытающимися “понять кризис своего времени”, поэтому разные теоретические подходы сменяют друг друга в зависимости от того, насколько успешно они позволяют это сделать [Alexander, 1994: р. 165], я исхожу из того, что эти подходы не утрачивают своей актуальности. В современном обществе возникают разнообразные вызовы, которые, разумеется, могут иметь разный вес и значимость в разные исторические периоды. Однако современность — *это многомерный феномен* и для ее целостного адекватного понимания вместо альтернативных интерпретаций необходимо систематическое применение комплекса теорий модерна и модернизации.

Подчеркну, что речь не идет о создании целостной теории, что, на мой взгляд, не только нереалистично, но и эпистемологически неоправданно. Я разделяю позицию П.Кутуева, который пишет о “бесперспективности восприятия феномена модерна в “Платоновой” манере, то есть как неизменного абсолюта” [Кутуев, 2005: с. 17]. Как социокультурная реальность модерн не является трансцендентным идеалом, к которому нужно стремиться, а модернизация не является нормативным и предопределенным процессом. Ориентация на такой идеал означает привнесение ценностного компонента в научную теорию и соответственно обвинение оппонентов в идеологизации видения путей развития современного общества. А ведь модерн — это не только определенное фактическое состояние общества, комплекс свойств его институтов, форм производства, социальной структуры и культуры, но и философская и идеологическая система, которая по определению предлагает ценностный ориентир.

В этой двойственности заключается *фундаментальное противоречие* теорий общества модерна и теорий модернизации. Общество модерна является реальностью; тем не менее оно также является идеологией. Более того, оно является утопией, которая “подобно любой утопии имеет высочайший

экспансионистский потенциал” [Ионин, 2002: с. 230]¹. Модерн, конечно, не был запланирован и сконструирован в соответствии с европейской рационалистической философией Нового времени и идеалами Просвещения. Но он оказался самодостаточным “Проектом” (в терминах Ю.Хабермаса), в рамках которого социальная реальность реконструируется и репрезентируется как современное общество со всеми свойственными ему признаками. Реальность с ее альтернативными репрезентациями, с одной стороны, и социально-философский и идеологический проект (или разные проекты) — с другой, часто не совпадают.

Отсюда следуют различия в понимании сути общества модерна и процесса модернизации. Можно выделить пять позиций или направлений в социологическом дискурсе, которые я проанализирую в данной статье². Они пересекаются в определенных моментах, могут быть родственными по своему теоретическому происхождению, но различаются по ключевым интерпретациям.

Во-первых (и это наиболее естественно для социологии как европейской науки Нового времени), модерн понимается как *этап эволюции человеческого общества*, преемник аграрного общества, основанного на традиции, и значит как шаг вперед на пути исторического прогресса. Такое понимание в социологии свойственно прежде всего эволюционистским теориям XX века: Т.Парсонса, Н.Смелзера, Г.Ленски, К.Дойча, М.Леви, Д.Лернера и многих других [Haferkamp, 1992; Lenski, 1970; Parsons, 1971; Deutsch, 1961; Lerner, 1958; Levy, 1996]. Но эволюционистская и прогрессистская парадигма была характерна для всей классической социологии от О.Конта до Э.Дюркгейма. Даже в 2000-х годах авторитетный исследователь Д.Широ продолжает отстаивать ее преимущества в объяснении социальных изменений в сопоставлении с цивилизационными теориями, мир-системным анализом и теориями постмодерна [Chirot, 2001]. Р.Инглегарт и К.Вельцель, опираясь на данные лонгитюдных сравнительных исследований, обосновывают универсальность схемы развития через формирование эмансипационных ценностей и демократических институтов [Вельцель, 2008; Inglehart, 2010; Inglehart, 2009].

В рамках этой парадигмы общество модерна отличает определенный набор характерных признаков (хорошо известных из любого серьезного учебника по социологии), которые отражают эволюционные изменения в социальных институтах, структуре и культурной жизни. Это — структурная дифференциация, урбанизация, индустриализация, рыночная экономика, национальное государство и нация, бюрократические организации, рационализация, усиление роли науки и превращение ее в производительную силу, распространение образования, секуляризация и т.п. (см., напр.: [Ler-

¹ Подробнее о модерне как утопии см.: [Ионин, 2005: с. 156–173].

² Разумеется, существуют и другие классификации. Например, В.Ядов рассматривает проблематику модернизации в рамках трех макропарадигм теоретической социологии: 1) активистской, 2) институциональных и культурных условий развития, 3) глобальной мир-системы [Ядов, 2010]. В моем случае критерием выделения групп теорий являются не подходы к общим факторам развития общества, а специфическое понимание сути модерна и модернизации.

per, 1968: p. 387; Eisenstadt, 2010)]¹. Модернизация, соответственно, концептуализируется как “сумма крупномасштабных социальных, экономических, политических и культурных изменений, которые характеризуют мировую историю в последние 200 лет и происходят из многогранной революции (экономической, социальной, политической, культурной) второй половины XVIII века” [Martinelli, 2005: p. 8]. Модернизация — это “особая форма развития, суть которой — переход от традиционного общества к современному” [Федотова, 2008: с. 74].

Такой подход в наибольшей мере подвергался критике со стороны всех дальнейших теорий, а отношение к основанной на нем оригинальной теории модернизации 1950–1960-х годов в современной социологии зачастую оказывается весьма ироничным. Тем не менее эволюционизм остается мощной интеллектуальной традицией и в разной степени имплицитно представлен во многих существующих теориях социальных изменений. Определения общества модерна и модернизации, приведенные выше, не полувековой давности. Они вместе с другими интерпретациями остаются рабочими и сегодня. Дж.Александр отмечал подъем неомодернизма в 1980–1990-х годах, приобретающего новые формы — как “более героическая и романтическая” перспектива в решении “проблем нашего времени” [Alexander, 1994: p. 165]. Ощутимый спад популярности теорий постмодерна в течение последних 10–15 лет также служит подтверждением этого.

Второе направление социологического дискурса модерна и модернизации выступает своеобразным уточнением первого, но в нем кардинально меняется универсалистско-эволюционистский взгляд на общественное развитие. Модерн определяется как конкретно-исторический тип общества, он тоже имеет определенный набор специфических свойств, который, по крайней мере в западноевропейском варианте, полностью совпадает с указанным выше². Тем не менее он является не универсальной стадией эволюционных изменений, а локализуется в пространстве и времени, то есть может рассматриваться как *отдельная цивилизация*. По словам Э.Гидденса, “модерн” [modernity] означает способы социальной жизни или организации, которые возникли в Европе начиная примерно с XVII века и которые в дальнейшем достигли по своему влиянию более или менее мирового масштаба” [Giddens, 1990: p. 1].

Такой цивилизационный подход, в свою очередь, имеет два принципиально разных варианта. Согласно *первому* в несколько упрощенной формулировке “*the West versus the Rest*”, модерн считается сугубо европейским фе-

¹ П.Штомпка, к примеру, поддерживает так называемое “аналитическое” определение современности путем выявления ее фундаментальных свойств и систематически излагает и сравнивает различные перечни таких свойств, предложенных М.Вебером, Т.Парсонсом, М.Леви, К.Кумаром, Э.Гидденсом, А.Инкелесом [Штомпка, 1996: с. 99–109]. Преимуществом такого подхода является индуктивно-эмпирическая фиксация общества модерна. Но он ограничен как принципиальной открытостью ряда свойств, так и разнообразием, часто парадоксальным, их комбинаций.

² В этом случае я отрицаю тезис П.Штомпки о том, что, в отличие от “аналитического” определения модерна, “историческое” определение ограничивается одним лишь указанием “на время и место” без перечня его характеристик [Штомпка, 1996: с. 100]. Собственно исторические типы общества разнятся не только по локализации, но и по своим особенностям.

номеном и соответствует вышеупомянутой дефиниции Э.Гидденса. После своего подъема (или одновременно с ним) локальная европейская (или североатлантическая) цивилизация осуществила глобальную экспансию. Можно также предположить, что такой подъем оказался возможным, в частности, благодаря глобальной экспансии. Важно отметить, что внешне эта цивилизация воспринимается как целостная, как “Западный мир”, “Запад”, противостоящий остальному миру. Соответственно, модерн с такой постколониальной точки зрения концептуализируется как “вызов Запада”, “вызов современности прошлому”, когда в концепции прогресса усматривается “легитимизация вызова Запада в условиях превращения истории человечества во всемирную” [Федотова, 1997: с. 27]¹.

Отсюда также следует второе “узкое” значение модернизации как “процессов, через которые слаборазвитые общества или развивающиеся общества, то есть разнообразные периферии мира, стараются сократить или преодолеть разрыв, отделяющий их от развитых стран... в экономическом росте, конкурентоспособности на глобальном рынке и качестве жизни населения” [Martinelli, 2005: р. 25]. То есть модернизация в таком понимании оказывается ответом “Западу” со стороны остального мира. П.Штомпка в связи с этим отмечает, что “модернизация есть нечто совершенно иное, нежели спонтанное развитие в прогрессивном направлении. Она означает осознанное копирование западных обществ, выступающих в качестве “стран-образцов”” [Штомпка, 1996: с. 173].

Замечу, что, во-первых, в данном аспекте модернизация — это всегда целенаправленный проект политических элит обществ, пытающихся конкурировать с более развитыми и успешными обществами. Поэтому можно согласиться с выделением типа мобилизационной модернизации [Федотова, 2008: с. 110–112]. А существование типов органичной и инновационной модернизации вызывает сомнение. Во-вторых, если с позиций теории модернизации копирование развитых обществ должно привести к повышению уровня развития обществ, подражающих образцам, то эмпирические данные второй половины XX века не подтвердили такого прогноза, поэтому более обоснованным представляется видение мир-системного анализа, согласно которому для улучшения позиции общества нужны системные изменения и лишение других обществ привилегированного положения, что невозможно без политической борьбы [Wallerstein, 2000].

Второй вариант цивилизационного подхода (второго направления дискурса модерна по нашей классификации) был программно сформулирован Ш.Айзенштадтом и известен как теория “множественных модернов” [multiple modernities] [Eisenstadt, 2000; Eisenstadt, 2001]. Концептуально он созвучен с цивилизационным анализом И.Арнасона, а также с пониманием модерна как разных способов интерпретации мира, “напряжений” и “воображаемых значимостей”, предложенным К.Касториадисом [Arnason, 1989; Arnason, 2010 Castoriadis, 1987; Касториадис, 2003]. Его суть состоит в концептуализации модерна как отдельной цивилизации нового типа. Как и в предыдущем евроцентристском варианте, Ш.Айзенштадт считает, что цивилиза-

¹ В.Федотова справедливо замечает, что, например, Россия или Турция воспринимаются как “Европа” с точки зрения Китая, тем не менее их европейская идентичность ставится под сомнение западноевропейцами [Федотова, 1997: с. 27].

ция модерна впервые “кристаллизовалась в Западной Европе”, а со временем распространилась (в частности посредством империалистической, колониальной и экономической экспансии) на другие регионы Европы и остального мира. Однако отличие заключается в том, что согласно Ш.Айзенштадту экспансия этой цивилизации не привела к гомогенизации и образованию единой цивилизации модерна, а стала причиной появления “множества модернов” — цивилизационно обусловленных (то есть определенных контекстом локальных цивилизаций) альтернативных интерпретаций современности и разнообразных ответов на новые вызовы [Eisenstadt, 2001: p. 322].

Поддерживая этот подход, Э.Тириакийян формулирует тезис о диалектике единой цивилизации модерна (современности) и модерности (современности) разных цивилизаций и подчеркивает, что триумф “западной цивилизации” стал возможным, в частности, благодаря тому, что она вышла за свои пределы и превратилась в цивилизацию модерна, в которую вовлечены представители других цивилизаций [Tiryakian, 2001: p. 289–290]. Схожую позицию разделяет Б.Витрок, подчеркивая, что модерн является глобальным состоянием и как глобальное состояние отличается единством. Однако наличие институтов и культурных особенностей обуславливает огромное разнообразие общества модерна [Wittrock, 2000: p. 31, 55].

Хотя подход “множества модернов” в разных его вариантах (кроме вышеупомянутых исследователей, его также применяют П.Вагнер, В.Спон, Д.П.Гаонкар, И.Кайя, Р.Ли и др. [Wagner, 2010; Wagner, 2011; Spohn, 2010; Gaonkar, 2001; Kaуa, 2004; Lee, 2008] можно считать сегодня самым распространенным (и даже модным; его охотно поддерживают социологи из стран, расположенных за пределами Европы и Северной Америки) в исследованиях современного общества, он подвергается критике за редукцию современности к культурным программам и слабость эмпирического обоснования результатов (см., напр.: [Schmidt, 2006; Schmidt, 2007; Schmidt, 2010; Мартинелли, 2006: с. 169–172].

Следует добавить, что слабость теорий “множества модернов” заключается также в неопределенности термина “модернизация”. Если принять во внимание концептуальные положения данного подхода, то этот термин просто не имеет смысла. Сам подход “множества модернов” был предложен в качестве альтернативы теории модернизации и имел целью опровержение существования такого феномена, как модернизация. П.Вагнер, рассматривая ликвидацию апартеида в Южной Африке, пишет, что в этом случае движение к индивидуальной и коллективной автономии можно считать “модернизацией” и это, “по-видимому, единственное оправданное значение данного термина начиная с критики социологических теорий модернизации с конца 1960-х годов” [Wagner, 2011: p. 498]. Впрочем, как будет показано дальше, проблемой для теорий “множества модернов” является отсутствие критериев для сравнения альтернативных интерпретаций современности и определения критериев модерности, а также путей приобретения современного статуса. Ведь для обретения такого статуса нужна модернизация, которая в этих теориях концептуально отрицается.

Третье направление, которое я выделяю, по своему происхождению безусловно является евроцентристским, хотя, как это ни парадоксально, содержит универсалистский потенциал. Это подход к модерну как к “проекту”, как к социетальному и культурному достижению человечества. Он интеллекту-

ально родственен предыдущему, и некоторых авторов можно даже отнести к обоим подходам. В то же время различие остается, на мой взгляд, существенным, поскольку понимание модерна как “проекта” не ограничивается локальными цивилизационными рамками. В этом аспекте более близким к такому подходу можно считать первое эволюционистское направление, поскольку “теория модернизации придает веберовскому понятию “модерн” характер абстракции, что имеет большие последствия. Она отделяет модерн от его истоков — Европы нового времени — и стилизует как образец для процесса социального развития вообще, нейтрализованный *в пространственно-временном отношении* (курс. мой. — Ю.С.)” [Хабермас, 2003: с. 8].

Так же понимание модерна в рамках этого подхода нельзя свести к номенклатуре известных признаков (дифференциация, урбанизация, индустриализация и т.п.). Тем более нельзя говорить об “альтернативных” или “разных” модернах, ведь в этом случае конструируется идеальный тип (в Веберовом понимании) общества, его социальной и культурной организации. Это откровенно мировоззренческий, ценностный и нормативный подход, зародившийся в недрах европейской социальной и моральной философии.

Однако было бы ошибкой относить к этому направлению только те теории, которые рассматривают явление модерна преимущественно позитивно. “Проект модерна” невозможно понять без его критики и выявления в нем противоречий и “линий напряжения”. Поэтому к данному направлению вполне оправданно относить и постмодернистские школы, подвергающие сомнению теоретические и идеологические основы “проекта модерна”. Таким образом (через отрицание) постмодернистская философия и социология объясняют (реинтерпретируют) сущность современного общества, его прошлое и будущее.

Хронологически это направление возникло раньше первого и всех остальных, которые здесь рассматриваются. Само представление о модерне собственно сформировалось в его рамках. Философия Просвещения и немецкая классическая философия XVIII–XIX веков обусловили его оптимистическую направленность. Неклассические иррациональные философские учения XIX–XX веков обнаружили его обратную темную сторону. Задолго до появления теоретиков постмодерна и даже теории модернизации В.Беньямин “сформулировал понимание модерна (и понимание капитализма) как мифологического и даже религиозного феномена в противовес Веберу” [Ионин, 2007: с. 302]. Философия постмодерна посягнула на основоположные современные метанарративы — рациональность, объективность, само научное познание как ведущий инструмент рефлексии.

Вместе с тем развитие проекта модерна не сводится к одним лишь интеллектуальным поискам. Как справедливо указывает Ю.Хабермас, Реформация, Просвещение и Французская революция стали “ключевыми историческими событиями для осуществления принципа субъективности... Декларация прав человека и Кодекс Наполеона воплотили в жизнь принцип свободы воли как субстанциальной основы государства в противовес исторически данному праву” [Хабермас, 2003: с. 17].

Учитывая все многообразие философской традиции в интерпретации модерна и его противоречий, крайне сложно определить его инвариантные свойства, но даже в этом случае можно утверждать, что суть проекта модерна заключается в том, что это *эмансипационный проект*. Это доминирующая по-

зияция в разных интерпретациях — от Гегеля и Маркса до Хабермаса. Несмотря на всю ограниченность такого понимания в силу возникновения в процессе развертывания этого проекта новых несвобод, зависимостей, новых “непрозрачностей” мира, осознания недостатков рационализма и т.п., именно в эпоху модерна формулируется специфическая идея свободы и прав человека, создаются и становятся доступными ресурсы для их обеспечения.

Эмансипация, с этой точки зрения, означает как аспект негативной свободы от “барьеров и ограничений”, так и аспект позитивной свободы, чтобы иметь возможность “для индивидуального самовыражения и самореализации”, а также “влияния на собственное общество”; она также означает “расширение поля деятельности для тех, кто является полноценным членом, правомочным субъектом” [Штомпка, 1996: с. 52].

Эмансипация в европейском измерении неразрывно связана с “западным рационализмом”, “расколдовыванием”, убеждением в принципиальной возможности познать объективный мир, верой в силу науки, неустойчивым желанием человека “инструментально овладеть миром” [Хабермас, 2003: с. 10]. Как резюмирует Ю.Хабермас, “проект модерна, сформулированный в XVIII веке философами Просвещения, состоит... в том, чтобы неуклонно развивать объективирующие науки, универсалистские основы морали и права и автономное искусство..., но одновременно и в том, чтобы высвободить накопившиеся таким образом когнитивные потенциалы из их высших эзотерических форм и использовать их для практики, то есть для разумной организации жизненных условий” [Хабермас, 1992: с. 45].

Однако эмансипация привела к неожиданным противоречивым результатам, а угрозы для достижения свободы человеком исходили из развития как публичной сферы, так и частной [Bauman, 2000: р. 50–51]. Уверенность раннего модерна в том, что “искусства и науки будут способствовать не только покорению природы, но и пониманию мира и человека, нравственному совершенствованию, справедливости общественных институтов и даже счастью людей”, оказалась “тщетным упованием” [Хабермас, 1992: с. 45].

Несмотря на это, Ю.Хабермас призывает “скорее... извлечь уроки, чем признать поражение модерна и его проекта” [Хабермас, 1992: с. 49]. З.Бауман также убежден, что “война эмансипации не закончилась”, хотя ее приоритеты изменились [Bauman, 2000: р. 50–51]. Этот проект далек от завершения, поскольку его принципы и идеалы не были реализованы. В то же время можно утверждать, что общество Нового времени, хотя и не таким образом, как это представляли европейские философы XVIII — первой половины XIX века, существенно изменилось на пути человеческой эмансипации. Также остается открытым вопрос, могут ли идеалы модерна вообще быть воплощенными в жизнь. Ю.Хабермас, например, полагает, что это в принципе возможно, хотя шансы минимальны [Хабермас, 1992: с. 50].

Признание эмансипации и рационализма сутью модерна не отрицает наличия в нем антиномий и “линий напряжения”¹. Выделяют несколько та-

¹ В рамках третьего направления дискурса общества модерна антиномии рассматриваются в терминах единого проекта модерна, тогда как представители теорий “множественных модернов” приписывают их различным “культурным и политическим программам современности” [Eisenstadt, 2000: р. 10].

ких антиномий. П.Бергер еще в 1970-х годах блетяще сформулировал пять дилемм современности, фундаментально влияющих на человеческую жизнь в обществе модерна:

- 1) абстракции — то есть “враждебность” безличных общественных институтов (капиталистического рынка, бюрократического государства, технологии, города, СМИ), форм мышления и эмоциональности к человеческой жизни, личностных связей и “компактных” сообществ;
- 2) “будущности” — “изменение темпоральной структуры человеческого восприятия, в рамках которой будущее становится главной ориентацией не только воображения, но и деятельности”;
- 3) индивидуализации — “все возрастающее отделение индивида от коллективов и социальных общностей” и “беспрецедентное противостояние индивида и общества”;
- 4) “освобождения — возрастание роли человеческого выбора — как индивидуального, так и коллективного, увеличение для современного человека “бремени” выбора;
- 5) секуляризации — противоречивое отношение “к трансцендентному измерению человеческого бытия” [Бергер, 1990: с. 127–133].

Ш.Айзенштадт уже в 2000-е годы тоже выделяет пять антиномий, несколько отличающихся от предыдущей типологии [Eisenstadt, 2010: p. 5]:

- 1) антиномия измерений человеческого существования, то есть “напряженность между доминированием рациональности в противовес эмоциональным и эстетическим измерениям” (фактически совпадает с первой дилеммой П.Бергера);
- 2) антиномия человеческой автономии и основ морали, в частности универсальных принципов (можно отождествить с третьей дилеммой П.Бергера);
- 3) антиномия “рефлексии и действия” — напряженность между познанием природы и общества и “овладением” ими, конструированием природы и общества;
- 4) антиномия тотальности (универсалистского) и плюралистического видения разных ценностей и “рациональностей” (эта напряженность центральная для Ш.Айзенштадта и используется в полемике при отстаивании принципиальной возможности существования “множества модернов”);
- 5) антиномия человеческой автономии и существующих ограничений, свободы и контроля (частично совпадает с четвертой дилеммой П.Бергера).

Если отталкиваться от понимания сущности проекта модерна как эмансипационного, можно прийти к выводу о том, что все указанные антиномии и дилеммы в той или иной мере связаны с его сутью и процессом эмансипации. Иными словами, ключевая “напряженность” проекта модерна — как в теоретико-философской плоскости, так и в реально-исторической — заключается в *диалектике эмансипации* — это борьба, освобождение, получение прав и возможностей для выбора, что сопровождается наложением внешних ограничений, потерями, усилением контроля, осознанием “бремени” выбора.

Таким образом, эмансипаторный проект модерна нельзя реалистически рассматривать ни сугубо позитивно, как путь к свободе, ни сугубо негативно, как “сумерки разума”. После М.Фуко, который жестко и пессимистично

констатировал формирование на фоне эмансипационных процессов в Европе Нового времени эффективной и изощренной системы контроля, дисциплины и эксклюзии [Foucault, 1965; Foucault, 1977], П.Вагнер убедительно выявил амбивалентность модерна. Характеризуя тип общества, которое он обозначает как “организованный модерн” [organized modernity], П.Вагнер подчеркивает, что чрезвычайно могущественные институты этого общества “одновременно наделяют возможностями и ограничивают, освобождают и дисциплинируют” [Wagner, 1994: p. xi, 193]. Современная “воображенная значимость” человеческой автономности и самореализации может быть отмечена принуждением, притеснениями, эксклюзией и уничтожением, а обеспечение индивидуальных субъектов возможностями для их самореализации происходит “вплоть до угрозы *самоотрицания* модерна” [Wagner, 1994: p. 65].

С иных позиций З.Бауман привлекает внимание к антиномии публичной и частной сфер, которые, хоть и по-разному, но таят угрозу индивидуальной свободе. Он отмечает, что современная эмансипация после конфронтации с публичной сферой, властью, которая всегда находилась “под подозрением”, так что ее обвиняли во всех “бедах и фрустрациях свободы”, теперь противостоит частной сфере, которая, в свою очередь, “колонирует” публичную [Bauman, 2000: p. 50–51]. З.Бауман утверждает, что на современном этапе публичная сфера парадоксально способствует индивидуальной свободе, и поэтому “любое настоящее освобождение требует не меньшей, а большей публичной сферы и публичной власти” [Bauman, 2000: p. 51].

Диалектику проекта модерна также убедительно обосновывает А.Турен. Во-первых, он исходит из того, что западноевропейский модерн уникален, поскольку ничего подобного тому способу модернизации, который состоял в “создании общества не как средства, а как цели”, нигде в мире больше не возникло [Touraine, 2007: p. 51]. Во-вторых, он различает модерн и модернизацию и подчеркивает, что существует множество способов модернизации, в частности когда модерн не является целью, а только служит средством достижения могущества, особенно военного [Touraine, 2009: p. 106]. Двумя основоположными принципами модерна А.Турен считает:

- 1) веру в рациональность и рациональное действие;
- 2) признание универсальности прав индивида независимо от его социальных позиций [Touraine, 2007: p. 72–73].

В целом модерн означает возможность того, что “каждый индивид имеет право реализовывать свои права и предпочтения и защищать их от существующих центров власти” [Touraine, 2009: p. 104]. Это следует интерпретировать как признание того, что идея модерна противоречит идее общества, независимо от того, как его понимают — с позиций функциональности и утилитаризма или с позиций способов и последствий доминирования. В отличие от этого идея модерна “содержит непреодолимое напряжение между рациональностью и *правами индивидуумов*, с одной стороны, и *коллективным интересом* — с другой (курс. мой. — Ю.С.)” [Touraine, 2007: p. 75]. К тому же рациональность и права субъекта, по Турену, также могут противоречить друг другу.

Указанные противоречия являются решающими для понимания сути проекта модерна и диалектики его развития. Эмансипация как главное обещание европейского модерна (или “обязательство” [promissory note], в тер-

минах Б.Витрока) неотвратно ставит вопрос, за счет чего она будет осуществляться. Но, по моему убеждению, ключевым моментом является не только само противоречие между, с одной стороны, индивидуализацией, субъективизацией, автономией и правом индивидуального выбора, а с другой — внешним контролем, обязательствами, интеграцией, солидарностью и правами выбора контрагентов. Важно еще и то, *каким образом и по какой процедуре* это противоречие будет разрешаться в каждом отдельном обществе. Без этого проект модерна и перипетии его конкретно-исторических реализаций постичь невозможно.

По этой причине приходится признать бесперспективными попытки У.Бека, К.Лау и их последователей построить теории “второго модерна” [Beck, 2010; Beck, 2005]. Концептуализируя глубокие изменения последних десятилетий как “модернизацию общества модерна”, они утверждают, что “прежние различия и дихотомии исчезают” и появляются “новые правила игры” [Beck, 2003: р. 3].

Безусловно, следует согласиться с тем, что происходящие изменения являются радикальными, хотя основное положение этой теории о завершении “первой современной” эры национальных государств дискуссионно. Однако вовсе не эти современные изменения стали вызовом “модерну, основанному на Просвещении” [Beck, 2005: р. 525]. Вызов ему был брошен не сегодня. Этот вызов заложен (как я пытался продемонстрировать, опираясь на теории Ю.Хабермаса, З.Баумана, П.Бергера, А.Турена, П.Вагнера) в собственной природе проекта модерна. Поэтому абсолютно утопичными являются упования на то, что “рефлексивная модернизация” способна идентифицировать “трещины в европейском фундаменте”, ликвидация которых является интеллектуальной задачей “теории второго модерна” [Lee, 2008: р. 56].

Четвертое направление социологического дискурса модерна и модернизации образуют теории, которые условно можно определить как темпоральные. В рамках этих теорий модерн концептуализируется именно как специфическое временное измерение — современное состояние общества независимо от его *стадиальных* или *цивилизационных* признаков и ценностно-нормативного содержания идеологических систем. Фундаментальными характеристиками такого современного состояния считают ориентацию на *перемены* и способность к ним, то *есть* инновационность.

Несмотря на констатируемую универсальность этих характеристик, темпоральная концептуализация модерна имеет глубокие европейские культурные корни. Именно европейская христианская цивилизация заложила предпосылки для изменения соотношения между традицией и современностью, а также для формирования представлений о модерне. Собственно понятие “модерн”, будучи европейским по происхождению, имеет выраженное темпоральное содержание. Ю.Хабермас, используя работы Г.Яussa, отмечает, что это понятие “отражает сознание эпох, соотносящих себя с прошлым и древностью и понимающих себя как результат перехода от “старого” к “новому”” [Хабермас, 1992: с. 41].

Более того, в европейской культуре не только сформировалось противопоставление современного прошлому, но и произошло осознание современного как непостоянного. Современное противопоставляется “вечному” и является, по словам Э.Гумбрехта, “прошлым завтрашнего настоящего” (цит. по: [Ионин, 2007: с. 48]). С философских позиций Ю.Хабермас опреде-

ляет его сущность как “актуальность спонтанно обновляющегося духа времени” [Хабермас, 1992: с. 41]. Это, с одной стороны, социальная жизнь в условиях “ощущения всеобщего ускорения” (в экономике, политике, технологиях, повседневной жизни, моде и т.п.) [Ионин, 2007: с. 48–49], а с другой — абсолютизация перемен, сведение смысла социальной жизни к изменениям, к постоянному обновлению. По образному выражению П.Бергера, “один из наиболее соблазнительных принципов современности гласит: вещи могут быть не такими, какими они были раньше”; современность “стремится к инновации и революции”, а “будущее — это открытый горизонт” [Бергер, 1990: с. 131]. Впрочем, существует и альтернативный критический вариант подобного осознания современности, который воплотился в философии постмодерна [Ионин, 2007: с. 49–50].

В современной социологии темпоральную теорию модерна развивает Г.Терборн. Он предложил релятивный концепт модерна для обозначения каких бы то ни было “культуры, эпохи, общества, социальной сферы, которые имеют специфическую *временную ориентацию* [time orientation]” [Therborn, 2006: p. 279].

Релятивность такого подхода заключается в том, что модерн означает не “особый хронологический период или особую институциональную форму”, а универсальную “концепцию времени..., видение современности как возможной подготовки будущего... открытого, нового, достижимого...” Мерию модерна Г.Терборн предлагает оценивать эмпирически через такого рода “временную ориентацию конкретных институциональных сфер, таких как продуцирование знания, искусство, экономика, политика”. Причем “доминирующая временная культура этих сфер может существенно отличаться в определенном обществе в определенный промежуток времени” [Therborn, 2003: p. 294].

Соответственно, в рамках данного подхода модерность отдельных обществ оценивается с точки зрения их способности к изменениям. Социологи и футурологи указывают на разные новейшие характеристики современности, ориентированные на изменения: беспрецедентную скорость экономического роста, инновационную экономику, распространение технологических новаций в разных сферах жизни, доминирование финансового сектора и сферы услуг как отраслей экономики, формирование “общества, основанного на знаниях”, возрастание роли венчурного предпринимательства, коммуникативных технологий, “творческого класса”, расцвет сетевых структур, гибкого менеджмента и т.п. [Белл, 1996; Штомпка, 1996; Stehr, 1994; Castells, 2004; Florida, 2005]. Среди условий перехода к инновационной экономике отмечают достаточный уровень благосостояния населения, свободу творчества, свободу предпринимательства и конкуренции, высокий уровень образования и науки, наличие индустрии инноваций, социальный капитал и доверие [Ясин, 2007: с. 10].

Очевидно, что ориентация на изменения и постоянную инновацию является собой противоположность обществу, основанному на традиции. Если в классической модернизационной теории было принято жестко противопоставлять модерн традиции, то с течением времени исследования доказали, что общество модерна более сложное и противоречивое и что традиция является его неотъемлемой составляющей [Bendix, 1977 (1964); Gusfield, 1967]. Следовательно, абсолютно инновационное общество в противовес традици-

онному является утопией. Тем не менее общества могут отличаться по степени инновационности, и в них могут существовать, как отмечал Г.Терборн, отдельные нацеленные на инновации социальные институты и акторы.

Противопоставление традиций и современности также снимается в теориях “рефлексивной модернизации” и “позднего модерна”, согласно которым современное состояние общества соотносится с предыдущим периодом модерна, а не с традиционным обществом [Beck, 2003]. Здесь существуют две интерпретации:

- 1) современное общество можно охарактеризовать как новый этап трансформации и обновления в определенных хронологических рамках “позднего”, “второго”, “текущего” модерна или даже в его разных локально-цивилизационных формах [Giddens, 1990; Beck, 2010; Lee, 2006];
- 2) современность более обобщенно интерпретируется как постоянная нацеленность на бесконечное обновление [Bauman, 2000: p. 28].

Если первая интерпретация сближается с цивилизационными теориями, согласно которым тип общества модерна не имеет универсального характера (это либо сугубо европейский феномен, достигший глобального масштаба, либо разнообразные “множественные модерны”), то вторая сфокусирована как раз на универсальной способности общества к инновации и изменениям. В этом случае сущностью любой модернизации в любом обществе оказывается “трансформация восприятия времени” [Бергер, 1990: с. 129].

Важно отметить, что когда З.Бауман различает формы модерна (“твердой” и “текучей” современности), он в то же время подчеркивает их сущностное родство, несмотря на существование очень весомых различий. Он утверждает, что “общество начала XXI века так же современно, как и общество начала XX; максимум, что можно сказать, — это то, что оно современно по-другому. То, что делает его современным... и что отличает модерн от прочих исторических форм человеческого сосуществования, — это принудительная и навязчивая, непрерывная модернизация, непрекращаемая и нескончаемая...” [Bauman, 2000: p. 28]. З.Бауман использует понятие “перманентной”, “постоянной” модернизации, подчеркивая при этом, что “привычка рассматривать модернизацию как путь к модерну, а модерн — как конечный продукт модернизации, ошибочна по своей сути: модерн является модернизацией... модернизация является способом существования современности” [Bauman, 1999: p. 192].

Таким образом, перманентные изменения и инновационность составляют крайне важное измерение модерна. Так же, как и его принципиальная незавершенность, открытость в будущее. В.Федотова и ее коллеги выделяют четыре аспекта этой незавершенности, среди которых, в частности, то, что современность “не может быть окончательно построена, ибо считать так, значит думать, что общества достигают или могут достичь неких идеальных состояний, которые не потребуют дальнейших улучшений” [Федотова, 2008: с. 284].

Однако нужно предостеречь от опасности понимания указанного измерения как абстрактного свойства социальных систем. Ведь изменения происходят вопреки, а не благодаря этим системам. Движущей силой изменений и инноваций являются социальные акторы, которым для этого нужны мотивация и благоприятные условия для творчества. Поэтому, казалось бы,

вполне релятивное инновационное измерение общества модерна неразрывно связано с ценностным измерением модерна как проекта. Именно принципы последнего (права индивида, рациональность) служат предпосылками обеспечения свободы и творчества в “пределах социальных систем, которые естественно направлены скорее на укрепление себя, нежели на формирование свободных акторов” [Touraine, 2007: p. 72].

Пятое направление социологического дискурса, которое следует очертить, наименее целостное. К нему можно отнести разнообразные по своему концептуальному происхождению теории из разных социальных наук. Объединяет их общее понимание общества модерна как *наиболее эффективного* на текущий момент социального строя. Соответственно, главным критерием оценки состояния общества и его отдельных институтов, прежде всего экономических, будет эффективность или, в более специальном экономическом толковании, *производительность* по сравнению с другими обществами. Производительность (эффективность) можно определить диахронно — в сопоставлении с предыдущими историческими периодами. Тем не менее одновременное сравнение современных обществ в рамках данного подхода позволяет обнаружить конкурентное преимущество и, наконец, оценить уровень *их конкурентоспособности*.

Эти теории, которые я предлагаю обозначить как “теории эффективности”, чаще всего близки к эволюционным теориям первого направления. Ведь, к примеру, базовые парсонсовские понятия социальной эволюции (дифференциация, повышение адаптивной способности) прежде всего означают большую эффективность. Общим для этих направлений является и выделение групп “более и менее развитых” обществ. Принципиальное различие между ними заключается в том, что в этом случае эффективность не рассматривается как одинаково достижимая для всех обществ и не признается существование универсальных этапов эволюции.

Близость к предыдущему направлению темпоральных теорий объясняется тем, что инновационность в пределах обоих направлений считается предпосылкой и средством достижения эффективности, по крайней мере в экономической сфере. Инновационное часто отождествляется с эффективным, а “современное” как в теоретическом, так и в обыденном понимании означает “наилучший, наиболее передовой” [Федотова, 2008: с. 284]. С этой точки зрения, чтобы оставаться современным и конкурентоспособным, нужны постоянные изменения, обновления. В научном и обыденном дискурсе быть впереди — это хорошо, это дает конкурентное преимущество. Согласно З.Бауману, вся эта бесконечная перманентная модернизация осуществляется не просто ради самой себя: “...все это ради того, чтобы в будущем делать больше того же самого, повышая производительность или конкурентоспособность” [Bauman, 2000: p. 28].

Среди теорий эффективности можно выделить несколько групп. Первая группа, наиболее целостная и влиятельная, сформировалась в рамках неинституционального подхода. Она доминирует в современной экономической теории и политической экономии. Здесь производительность и конкурентоспособность общества в экономической и политической сферах обусловлены эффективностью его экономических институтов, которые определяют не только общий экономический рост, но и “распределение ресурсов в будущее (то есть распределение богатства, физического или человеческо-

го капитала)» [Acemoglu, 2005: p. 389–390]. В свою очередь, экономические институты зависят от политических институтов и распределения ресурсов и функционируют под влиянием системы политической власти общества [Acemoglu, 2005: p. 392]. Такая базовая модель, дополненная специфическими элементами (такими, как прямой или опосредованный трансфер ресурсов политическими элитами, блокирование институционального развития политическими элитами), дает по-настоящему интересные результаты (см., напр.: [Acemoglu, 2006]).

Вариантом неоинституционального подхода является расчет индекса конкурентоспособности стран организацией “Всемирный экономический форум”, который проводится с 2005 года. Х.Сала-и-Мартин и его коллеги рассматривают комплекс институциональных, политических, инфраструктурных и человеческих факторов в качестве детерминант уровня производительности страны [The Global Competitiveness Index, 2011: p. 4]. Также нужно подчеркнуть, что среди экономистов менее развитых стран с авторитарными режимами или режимами неконсолидированной демократии при оценивании производительности часто имеет место смещение акцента с институтов на новейшие технологии, эффективность труда, обновление основных фондов, развитие высокотехнологичных производств, внедрение новых продуктов и услуг, а модернизацию в основном понимают как “переход к инновационной модели развития” [Зевин, 2008: с. 291]. Иными словами, в этом случае подпитывается позиция технологического детерминизма, что противоречит сути неоинституционального подхода.

Вторая группа теорий фокусирует внимание на другом аспекте эффективности, обусловливаемом результатом экономической производительности. Это качество жизни и возможности, открывающиеся перед людьми. Однако следует помнить, что связь между формированием общества модерна и качеством жизни не линейная. В.Цапф, совместив исследования модернизации, качества жизни и социального обеспечения, продемонстрировал разные возможные констелляции факторов [Zapf, 1979: p. 241]. Э.Тириакийян указывает, что модернизация имеет свою цену и требует определенных жертв, но в долгосрочной перспективе она означает, что “большее количество акторов имеет лучшие жизненные шансы” [Tiryakian, 1995: p. 255].

Теории последней группы, с одной стороны, эклектичны, поскольку пытаются эмпирически зафиксировать абсолютно разные черты общества, “более пригодного для жизни”, то есть “хорошего общества” (good society) [Федотова, 2005: с. 458]. С другой стороны, они нормативны, поскольку их авторы стараются очертить параметры оптимального социального строя. В теориях “хорошего общества” комбинируются как положения неоинституционализма (эффективные институты служат основой данного общества), так и разные компоненты качества жизни (благополучие, здоровье, образование и т.п.).

Кроме того, в концепцию “хорошего общества” вписываются ценностно-нормативные составляющие (права человека, гражданское общество, справедливое распределение ресурсов, возможности для индивидуального развития и др.), что приближает эту концепцию к представлению о модерне как проекте. Такое нормативно-эклектическое сочетание прежде всего свойственно концепции “хорошего общества” Дж.К.Гелбрейта [Galbraith, 1996: p. 3–4]. В то же время А.Этциони акцентирует нормативный аспект,

предлагая классическое философское понимание “хорошего общества” как такого, где люди относятся к себе и другим как к целям, а не средствам [Etzioni, 2000: p. 11]. Р.Белла и его соавторы усматривают фундамент “хорошего общества” в “креативности и жизнеспособности институтов” в сочетании с индивидуальной и социальной ответственностью [The Good Society, 1991: p. 17]. Такой неоинституциональный подход дополняется тем, что они называют “плюралистическим видением хорошего общества”, но фактически это эклектичное соединение эмпирических и нормативных характеристик: демократического участия, подотчетности институтов, взаимозависимого благосостояния, свободы, мира и справедливости [The Good Society, 1991: p. 9]. Позже Р.Белла осуществил, на мой взгляд, весьма перспективную попытку развить данную концепцию, что, к сожалению, не было завершено [Bellah, 1997].

В целом дискурс эффективности и конкурентоспособности современного общества логично дополняет темпоральные теории инновационности и нацеленности на изменения. В рамках этого направления было определено очень важное измерение модерна. Однако в толковании измерения эффективности имеются существенные расхождения, которые нельзя преодолеть, не выходя за рамки данного дискурса.

Выводы

Пытаясь создать систематизированную картину современных теорий общества модерна и модернизации, я очертил пять направлений социологического дискурса:

- 1) теории модерна как универсальной стадии эволюции;
- 2) концепции локальных цивилизаций (с двумя вариантами: евроцентристский (*the West versus the Rest*) и “множественных модернов”);
- 3) “проект модерна”;
- 4) темпоральные теории (временная ориентация, нацеленность на изменения и инновации);
- 5) теории эффективности (конкурентоспособность, качество жизни и “хорошее общество”).

В рамках этих направлений функционируют группы теорий, авторы которых предлагают разные интерпретации сущности общества модерна и закономерностей его развития. Эти теории не представляют собой альтернативные исследовательские программы или последовательную смену объяснительных схем более адекватными. Они глубоко родственны, имея наряду с общими концептуальными положениями определенные различия.

Все указанные теории имеют эвристические ограничения, однако они не теряют своей актуальности и освещают разные измерения модерна, которые в совокупности формируют его целостную картину. Среди таких измерений можно назвать:

- 1) универсальные социальные процессы и характеристики развития общества (дифференциация, урбанизация, социальная мобильность и т.п.);
- 2) цивилизационная вариативность и особенности культурных программ;
- 3) ценностно-императивное содержание и антиномичность;

- 4) перманентность изменений и инновационность;
- 5) повышение производительности, повышение жизненных стандартов и возможностей людей.

Итак, современность *многомерна*, и для целостного адекватного ее отражения необходимо систематическое применение всего комплекса теорий модерна и модернизации.

Источники

Аллард Э. Сомнительные достоинства концепции модернизации / Э. Аллард // Социологические исследования. — 2002. — № 9. — С. 60–66.

Белл Д. Прихід постіндустріального суспільства / Белл Д. // Сучасна зарубіжна соціальна філософія : хрестоматія. — К. : Либідь, 1996. — С. 194–250.

Бергер П. Понимание современности / П. Бергер // Социологические исследования. — 1990. — № 7. — С. 127–133.

Валлерстайн И. Модернизация: мир праху ее / И. Валлерстайн // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2008. — №2. — С. 21–25.

Вельцель Х. Человеческое развитие и “взрыв” демократии: вариации изменений режимов среди 60 обществ / Х. Вельцель, Р. Инглехарт // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2008. — № 1. — С. 85–118.

Жуков В.И. Модернизация социальных отношений в России: замыслы, итоги, возможности / В.И. Жуков // Социологические исследования. — 2005. — № 6. — С. 21–32.

Зевин Л.З. Постсоветское пространство в глобализирующемся мире. Проблемы модернизации / Зевин Л.З. — СПб. : Алетей, 2008. — 312 с.

Иноземцев В.Л. Пределы “догоняющего” развития / Иноземцев В.Л. — М. : Экономика, 2000. — 299 с.

Ионин Л.Г. Новая магическая эпоха / Л.Г. Ионин // Логос : Журнал по философии и прагматике культуры. — 2005. — № 2 (47). — С. 156–173.

Ионин Л.Г. Новая магическая эпоха / Л.Г. Ионин // Постмодерн: Новая магическая эпоха / под ред. Л.Г. Ионина. — Харьков, 2002. — С. 221–236.

Ионин Л.Г. Социология в обществе знаний: от эпохи модерна к информационному обществу / Ионин Л.Г. — М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. — 431 с.

Касториадис К. Воображаемое установление общества / Касториадис К. ; пер. с франц. Г. Волковой, С. Офертаса. — М. : Гнозис : Логос, 2003. — 480 с.

Келлер Я. Модернизация — гуманизация общества или коррозия бытия? Критические заметки о теории модернизации / Я. Келлер // Социологические исследования. — 2002. — № 7. — С. 48–52.

Коровицына Н.В. Уроки вестернизации Восточной Европы “ПОСТ–1989”. Социогуманитарная критика / Н.В. Коровицына // Социологические исследования. — 2009. — № 5. — С. 30–39.

Кутуев П.В. Концепції розвитку та модернізації: еволюція дослідницьких програм соціологічного дискурсу / Кутуев П.В. — К. : Сталь, 2005. — 500 с.

Кутуев П.В. Проблематика современного социологического теоретизирования / П.В. Кутуев // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2009. — № 2. — С. 144–165.

Кутуев П.В. Сообщества ритуала модернизации: от логоса к культуре / П.В. Кутуев // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2007. — № 3. — С. 106–127.

Мартинелли А. Глобальная модернизация: переосмысляя проект современности / Мартинелли А. ; пер. с англ. ; под общ. ред. А.В. Резаева. — СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. — 230 с.

Модернізація України — наш стратегічний вибір : Щорічне Послання Президента України до Верховної Ради України [Електронний ресурс]. — К., 2011. — 416 с. — Режим доступу : http://www.president.gov.ua/docs/Poslannya_sborka.pdf.

Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации [Електронний ресурс]. — 12 нояб., 2009. — Москва, Большой Кремлёвский дворец. — Режим доступа : <http://news.kremlin.ru/transcripts/5979>.

Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации [Електронний ресурс]. — 22 дек., 2011. — Москва, Кремль. — Режим доступа : <http://news.kremlin.ru/news/14088>.

Рукавишников В.О. Социологические аспекты модернизации России и других посткоммунистических обществ / В.О. Рукавишников // Социологические исследования. — 1995. — № 1. — С. 34–46.

Тільки глибока модернізація України сприятиме її швидкому розвитку : Виступ Президента України на урочистостях з нагоди відзначення 80-річчя утворення Дніпропетровської області [Електронний ресурс]. — 24 лют., 2012. — Режим доступу : <http://www.president.gov.ua/news/23092.html>.

Тихонова Н.Е. Особенности нормативно-ценностной системы российского общества через призму теории модернизации / Н.Е. Тихонова // TERRA ECONOMICUS. — 2011. — Т. 9, № 2. — С. 60–85.

Трубицин Д.В. “Модернизация” и “негативная мобилизация” конструкты и сущность / Д.В. Трубицин // Социологические исследования. — 2010. — № 5. — С. 3–13.

Федотова В.Г. Глобальный капитализм: три великие трансформации / Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. — М. : Культурная революция, 2008. — 608 с.

Федотова В.Г. Модернизация “другой” Европы / Федотова В.Г. — М. : ИФ РАН, 1997. — 255 с.

Федотова В.Г. Хорошее общество / Федотова В.Г. — М. : Прогресс-Традиция, 2005. — 544 с.

Хабермас Ю. Модерн — незавершенный проект / Ю. Хабермас // Вопросы философии. — 1992. — № 4. — С. 40–52.

Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас ; пер. с нем. — М. : Весь Мир, 2003. — 416 с.

Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития / В. Цапф // Социологические исследования. — 1998. — № 8. — С. 14–26.

Штомпка П. Социология социальных изменений / Штомпка П. ; пер. с англ. ; под ред. В.А. Ядова. — М. : Аспект Пресс, 1996. — 416 с.

Ядов В.А. К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества / В.А. Ядов // Мир России. — 2010. — № 3. — С. 46–56.

Ясин Е. Модернизация и общество / Е.Ясин // Вопросы экономики. — 2007. — № 5. — С. 3–29.

Acemoglu D. Economic Backwardness in Political Perspective / Daron Acemoglu, James Robinson // American Political Science Review. — 2006. — February. — Vol. 100, № 1. — P. 115–131.

Acemoglu D. Institutions as Fundamental Determinants of Long-Run Growth / Daron Acemoglu, Simon Johnson, James A. Robinson // Handbook of Economic Growth, Volume 1A, edited by Philippe Aghion and Steven Durlauf. — Amsterdam : Elsevier, 2005. — P. 386–472.

Alexander J.C. Modern, Anti, Post and Neo: How Social Theories Have Tried to Understand the “New World” of “Our Time” / J.C. Alexander // Zeitschrift für Soziologie. — 1994. — Jg. 23, Heft 3. — Juni, 1994. — S. 165–197.

Arnason J. P. The Imaginary Constitution of Modernity / Johann P. Arnason // Revue européenne des sciences sociales. — 1989. — Т. 27, № 86 : Pour une philosophie militante de la démocratie (1989). — P. 323–337.

Arnason J. P. The Cultural Turn and the Civilizational Approach / Johann P. Arnason // *European Journal of Social Theory*. — 2010. — Vol. 13 (1). — P. 67–82.

Bauman Z. Liquid Modernity / Zygmunt Bauman. — Cambridge, UK : Polity Press, 2000. — 229 p.

Bauman Z. Second Letter / Zygmunt Bauman // Zygmunt Bauman : prophet of post-modernity / Dennis Smith. — Cambridge : Blackwell Publishers, 1999. — P. 191–197.

Beck U. Second modernity as a research agenda: Theoretical and empirical explorations in the “meta-change” of modern society / Ulrich Beck, Christoph Lau // *British Journal of Sociology*. — 2005. — Vol. 56, Is. 4. — P. 525–557.

Beck U. The theory of reflexive modernization : Problematic, hypotheses and research programme / Ulrich Beck, Wolfgang Bonss, Christoph Lau // *Theory, Culture and Society*. — 2003. — Vol. 20, № 2. — P. 1–33.

Beck U. Varieties of second modernity : the cosmopolitan turn in social and political theory and research / Ulrich Beck, Edgar Grande // *British Journal of Sociology*. — 2010. — Vol. 61, Is. 3. — P. 409–443.

Bellah R. The Necessity of Opportunity and Community in a Good Society / Robert N. Bellah // *International Sociology*. — 1997. — Vol. 12 (4). — P. 387–393.

Bendix R. Nation Building and Citizenship: Studies of Our Changing Social Order / Bendix Reinhard. — University of California Press : Berkeley, 1977 [1964]. — 450 p.

Blokker P. Post-Communist Modernization, Transition Studies, and Diversity in Europe / P. Blokker // *European Journal of Social Theory*. — 2005. — Vol. 8 (4). — P. 503–525.

Castells M. The network society : a cross-cultural perspective / edited by Manuel Castells. — Northampton, Mass. : Edward Elgar, 2004. — 465 p.

Castoriadis C. The imaginary institution of society / Cornelius Castoriadis ; translated by Kathleen Blamey. — 1st MIT Press ed. — Cambridge, Mass. : MIT Press, 1987. — 418 p.

Chivot D. A Clash of Civilizations or of Paradigms? : Theorizing Progress and Social Change / Daniel Chivot // *International Sociology*. — 2001. — Vol. 16, № 3. — P. 341–360.

Deutsch K.W. Social Mobilization and Political Development / K. Deutsch // *The American Political Science Review*. — 1961. — Sep. — Vol. 55, № 3. — P. 493–514.

Eisenstadt S. N. The Civilizational Dimension of Modernity: Modernity as a Distinct Civilization / Shmuel N. Eisenstadt // *International Sociology*. — 2001. — Vol. 16 (3). — P. 320–340.

Eisenstadt S. N. Multiple Modernities / Shmuel N. Eisenstadt // *Daedalus*. — 2000. — Winter. — Vol. 129, № 1 : Multiple Modernities. — P. 1–29.

Eisenstadt S. N. Modernity and Modernization [Электронный ресурс] / S.N. Eisenstadt // *Sociopedia*. International Sociological Association. — 2010. — P. 1–15. — Режим доступа : <http://www.sociopedia.isa/>.

Etzioni A. The Third Way to a Good Society / Amitai Etzioni. — London : Demos, 2000. — 63 p.

Florida R. Cities and the creative class / Florida R. — N. Y. : Routledge, 2005. — 199 p.

Foucault M. Discipline and punish : the birth of the prison / Michel Foucault ; translated from the French by Alan Sheridan. — 1st American ed. — N. Y. : Pantheon Books, 1977. — 333 p.

Foucault M. Madness and civilization : a history of insanity in the age of reason / Michel Foucault ; Translated from the French by Richard Howard. — N. Y. : Pantheon Books, 1965. — 299 p.

Haferkamp H. Social change and modernity / ed. by Hans Haferkamp and Neil J. Smelser. — Berkeley and Los Angeles, California : University of California Press, 1992. — 445 p.

Galbraith J.K. The good society : the humane agenda / John Kenneth Galbraith. — Boston : Houghton Mifflin Co., 1996. — 152 p.

Gaunkar D.P. On Alternative Modernities / D.P. Gaunkar // *Alternative Modernities* / ed. by Gaunkar D.P. — Durham, NC : Duke University Press, 2001. — P. 1–23.

Giddens A. The Consequences of Modernity / Anthony Giddens. — Stanford, Calif. : Stanford University Press, 1990. — 186 p.

Gusfield J. Tradition and Modernity : Misplaced Polarities in the Study of Social Change / Joseph R. Gusfield // *American Journal of Sociology*. — 1967. — Vol. 72, Is. 4. — P. 351–362.

Inglehart R. Changing Mass Priorities. The Link between Modernization and Democracy / R. Inglehart, C. Welzel // *Perspectives on Politics*. — 2010. — Vol. 8, № 2. — P. 551–567.

Inglehart R. How Development Leads to Democracy: What We Know about Modernization Today / R. Inglehart, C. Welzel // *Foreign Affairs*. — 2009. — March/April. — Vol. 8, No. 2. — P. 33–41.

Kaya I. Modernity, openness, interpretation : A perspective on multiple modernities / Ibrahim Kaya // *Social Science Information*. — 2004. — Vol. 43, № 1. — P. 35–57.

Knöbl W. Theories That Won't Pass Away: The Never-ending Story of Modernization Theory / Wolfgang Knöbl // *Handbook of Historical Sociology* ; ed. by Gerard Delaty, Engin F. Isin. — L. : SAGE, 2003. — P. 96–107.

Kumar K. From post-industrial to post-modern society: new theories of the contemporary world / K. Kumar. — Oxford : Wiley-Blackwell, 1995. — 253 p.

Lee R. In search of second modernity : reinterpreting reflexive modernization in the context of multiple modernities / Raymond L.M. Lee // *Social Science Information*. — 2008. — Vol. 47, № 1. — P. 55–69.

Lee R. Reinventing Modernity: Reflexive Modernization vs Liquid Modernity vs Multiple Modernities / Raymond L.M. Lee // *European Journal of Social Theory*. — 2006. — Vol. 9, № 3. — P. 355–368.

Lenski G. Human societies: A macrolevel introduction to sociology / Gerhard Lenski. — N. Y. : McGraw-Hill, 1970. — 525 p.

Lerner D. Modernization: social aspects / D. Lerner // *International Encyclopedia of the Social Sciences*. — N. Y. : Macmillan, 1968. — P. 386–395.

Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East / D. Lerner. — Glencoe, IL. : Free Press, 1958. — 466 p.

Levy M. J. Modernization and the Structure of Societies / M. J. Levy. — Vol 2. The organizational contexts of societies. — New Brunswick : Transactions Pub, 1996 (1966). — 867 p.

Martinelli A. Global Modernization: Rethinking the project of modernity / A. Martinelli. — London : SAGE Publications, 2005. — 159 p.

Parsons T. The system of modern societies. — Englewood Cliffs, N.J. : Prentice-Hall, 1971. — 152 p.

Schmidt V.H. Modernity and diversity: Reflections on the controversy between modernization theory and multiple modernists / Volker H. Schmidt // *Social Science Information*. — 2010. — Vol. 49, № 4. — P. 511–538.

Schmidt V.H. One world, one modernity / Volker H. Schmidt // *Modernity at the Beginning of the 21st Century* / ed. by Volker H. Schmidt. — Newcastle : Cambridge Scholars Publishing, 2007. — P. 205–228.

Schmidt V.H. Multiple modernities or varieties of modernity? / Volker H. Schmidt // *Current Sociology*. — 2006. — Vol. 54, № 1. — P. 77–97.

Stehr N. Knowledge societies / Nico Stehr. — London : Thousand Oaks, Calif. : Sage, 1994. — 291 p.

Therborn G. Entangled Modernities / G. Therborn // *European Journal of Social Theory*. — 2003. — Vol. 6, № 3. — P. 293–305.

Therborn G. Europe and Asia: In the Global Political Economy, and in the World as a Cultural System / Goran Therborn // *Asia and Europe in globalization: continents, regions, and nations* / ed. by Goran Therborn and Habibul Haque Khondker. — Leiden, Boston : Brill, 2006. — P. 275–309.

Tiryakian E.A. Modernisation: Exhumer in Pace (Rethinking Modernisation in the 1990s) / E.A. Tiryakian // *International Sociology*. — 1991. — Vol. 6 (June). — P. 165–180.

Tiryakian E.A. Modernization in a Millenarian Decade: Lessons for and from Eastern Europe / E.A. Tiryakian // *Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe*. — Berlin ; New York, 1995. — P. 249–264.

Tiryakian E.A. Introduction: The Civilization of Modernity and the Modernity of Civilization / E.A. Tiryakian // *International Sociology*. — 2001. — Vol. 16, № 3. — P. 277–292.

Touraine A. A new paradigm for understanding today's world / A. Touraine. — Cambridge, UK. : Polity Press, 2007. — 226 p.

Touraine A. Thinking differently / A. Touraine. — Cambridge ; Malden, Mass. : Polity Press, 2009. — 236 p.

The Global Competitiveness Index 2011–2012: Setting the Foundations for Strong Productivity / [Xavier Sala-i-Martin, Beata Bilbao-Osorio, Jennifer Blanke et al.] // *The Global Competitiveness Report 2011–2012*. — Geneva : World Economic Forum, 2011. — P. 3–49.

The Good Society / [Robert N. Bellah, Richard Madsen, William Sullivan et al.]. — N. Y. : Alfred A. Knopf, Inc., 1991. — 347 p.

Wagner P. A Sociology of Modernity : Liberty and Discipline / P. Wagner. — London : Routledge, 1994. — 268 p.

Wagner P. Multiple Trajectories of Modernity: Why Social Theory Needs Historical Sociology / P. Wagner // *Thesis Eleven*. — 2010. — Vol. 100. — P. 53–60.

Wagner P. Violence and justice in global modernity: Reflections on South Africa with world-sociological intent / P. Wagner // *Social Science Information*. — 2011. — Vol. 50 (3–4). — P. 483–504.

Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? : A Long-Term View of the Trajectory of the World-System / Immanuel Wallerstein // *International Sociology*. — 2000. — Vol. 15, № 2. — P. 249–265.

Wittrock B. Modernity: One, None, or Many? European Origins and Modernity as a Global Condition / B. Wittrock // *Daedalus*. — 2000. — Vol. 129, № 1 : Multiple Modernities. — P. 31–60.

Zapf W. Modernization and welfare development: The case of Germany / Wolfgang Zapf // *Social Science Information*. — 1979. — Vol. 12, № 2. — P. 219–246.